

В рассказе «Крестьянское состояние» мальчик грубит крестьянину. Потом, осознав свою вину, он приходит к нему извиняться. Ответ простого мужика Памфила полон чувства собственного достоинства и той мудрой снисходительности, которая характерна для обращения взрослого с ребенком : «Для меня всё равно, как бы ты со мной ни поступил, но для тебя же лучше, что ты стал поумнее» [Новиков 1959: 226].

Теперь тезисно выделим основные составляющие системы воспитания Н. И. Новикова, представленные в дидактических очерках журнала:

- религиозная основа воспитания, основанная на исполнении библейских заповедей и постоянном упражнении в молитве;
- духовные ценности, восприимлемые через религию: смирение, кротость, набожность;
- прямое наставление, которое берет своё начало из правил христианского воспитания детей;
- стремление к высшей добродетели, которая противоположна пороку;
- идеи о внесловной ценности человека, идеалы гуманизма;
- внимание к трудолюбию, т.к. труд является одной из основ для формирования высоконравственной личности.

Литература

- Библия для детей. Ветхий и Новый Заветы / Сост. протоиерей А. Соколов. М., 2001.
- Детское чтение для сердца и разума : в XX ч. М. : В университетской типографии, у Н. Новикова, 1785. Ч. III.
- Детское чтение для сердца и разума : в XX ч. М. : В университетской типографии, у Н. Новикова, 1785. Ч. IV.
- Детское чтение для сердца и разума : в XX ч. М. : В университетской типографии, у Н. Новикова, 1788. Ч. XIII.
- Детское чтение для сердца и разума : в XX ч. М. : В университетской типографии, у Н. Новикова, 1788. Ч. XIV.
- Новиков Н.И. Избранные педагогические сочинения / Сост. Н. А. Трушин. М., 1959.
- Сетин Ф. И. История русской детской литературы, конец X – первая половина XIX в. М., 1990.

Москва, Литературный институт имени А.М.Горького

«Летавший на бурном коне по пустыне...»

**(Черты поэзии М.В.Ломоносова
в индивидуальном стиле В.Г.Бенедиктова)**

Ломоносовское влияние в русской литературе принадлежит к числу наиболее плодотворных и филологически изученных явлений. Неслучайно еще М.Н.Муравьев называл М.В.Ломоносова «вместе философом, стихотворцем и витиею» [Муравьев 1962: 36]. «Таковые и столь многие дарования, — размышлял Муравьев, — не токмо делают его всякой похвалы достойным, но и тем самым далеко пред прочими возвышают...» [Муравьев 1962: 36].

Впоследствии черты ломоносовской рецепции обнаруживались как в творчестве его младших современников (А.П.Сумароков, Г.Р.Державин), так и в широком контексте развития русской поэзии XIX—XX вв. (А.С.Пушкин и Ф.Н.Глинка, М.Ю.Лермонтов и Ф.И.Тютчев; А.А.Ахматова, В.В.Маяковский и др.) [Ломоносов 1987]. Между тем существует еще одна, не столь часто упоминаемая «параллель»: М.В.Ломоносов и В.Г.Бенедиктов. Рассмотрим эту линию преемственности более подробно.

В первую очередь, стоит отметить, что исторически «неистовый романтик» 1830-х годов Владимир Григорьевич Бенедиктов считается представителем более поздней и во многом противоположной — державинской — стилевой традиции [Васильев 2007]. Так, биограф поэта Я.П.Полонский замечал, что Бенедиктов «обладал истинным лиризмом, напоминающим Державина» [Полонский 1902: 14]. В то же время внимательный читатель может заметить в некоторых стихотворениях Бенедиктова явный диалог со стилем Ломоносова и смелое использование его поэтического инструментария. В частности, одним из первых, кто предположил генетическую общность стилей Ломоносова и Бенедиктова был Андрей Белый. В статье «Лирика и эксперимент» он попытался проанализировать ритмический рисунок стихотворений избранных русских поэтов. Главным критерием было выбрано наличие в произведениях так называемых «бедных ритмов» и пиррихийев

(«полуударений»): «Так 596 записанных строк <...> дают следующие суммы полуударений у нижеследующих поэтов: Тютчев – 519; Фет – 505; Пушкин – 486; Лермонтов — 479; Некрасов – 450; Державин – 448; Бенедиктов – 447; Ломоносов – 424...» [Белый 1994: 204].

В результате стихотворения Бенедиктова по «метрико-тонической» организации оказывались близки именно произведениям Ломоносова и Державина. Подтверждением этого может служить и следующее наблюдение А. Белого: «Стиль од и торжественных посланий XVIII века ритмически отразился в русской поэзии обилием полуударений на второй стопе» [Белый 1994: 207]. Сходными принципами организации отличались и многие бенедиктовские строки. Однако о стилевой общности Бенедиктова и Ломоносова свидетельствуют не только и не столько результаты структурного анализа, сколько похожие принципы тропеизации текста. С этой точки зрения ярким примером творческого «диалога» двух поэтов является стихотворение В.Г.Бенедиктова «Горные выси»:

...Здесь — с грустной цепи тяготенья
Земная масса сорвалась,
И, как в порыве вдохновенья,
С кипящей думой отторженья
В отчизну молний унеслась;
.....
О горы — первые ступени
К широкой, вольной стороне!
С челом открытым, на колени
Пред вами пасть отрадно мне.
Как праха сын, клонюсь главою
Я к вашим каменным пятам
С какой - то робостью, — а там,
Как сын небес, пройду пятою
По вашим бурным головам!

[Бенедиктов 1983: 106-107]

Приведенный фрагмент иллюстрирует характерную для Бенедиктова яркую метафоричность и пространственные представления. Кроме того, подобно Ломоносову в программном «Письме о пользе стекла», Бенедиктов размыкает в данном случае границы поэтического словоупотребления и обо-

гащает язык произведения упоминанием «цепи тяготенья» и «земной массы». В этом видится продолжение традиции так называемой «научной поэзии», воспринятой преимущественно от античных и средневековых европейских авторов. Примечательно, что похожая тенденция в сочетании с оригинальным «космизмом» нашла отражение и в ломоносовских «Размышлениях»:

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

(«Утреннее Размышление о Божием величестве»)

[Ломоносов 1965: 221]

Признаки системного ломоносовского влияния обнаруживаются и в целостном контексте лирики Бенедиктова. Так, поэт прибегает к обычной для одической поэзии форме риторического восклицания (ср. у Ломоносова: «О вы, которых ожидает / Отечество от недр своих / И видеть таковых желает, / Каких зовет от стран чужих...» [Ломоносов 1965: 127]). Впрочем, возросший «интерес к ломоносовскому образу и внимание к дидактической поэзии» оказывались в русской литературе первой трети XIX века вполне объяснимыми и даже закономерными. Так, в статье «Пушкин и Тютчев» Ю.Н.Тынянов замечал: «В воздухе 20-х годов носятся те явления, которые как бы сгущаются в поэтические индивидуальности в 30-е годы <...> То, что в 20-х годах, в эпоху, жаждавшую новых лирических жанров, вменялось в грех, то теперь, к концу 20-х и началу 30-х годов — во время искания *нового стиля* (курсив автора — А.К.), становится важным и интересным <...> Самое имя Ломоносова получало в литературных обстоятельствах того времени особое значение...» [Тынянов 2001: 193, 196-197, 198]. Стоит отметить, что риторичность, а точнее ориентация на декламационное произнесение, была свойственна и лирике В.Г.Бенедиктова самой по себе. По воспоминаниям Я.П.Полонского, «читал стихи Бенедиктов превосходно, и все, что ни читал, казалось хорошим и увлекательным» [Полонский 1902: 16]. Ломоносов же, как известно, не только активно прибегал к декламации на практике, но и теоретически обосновал ее

особенности в своем «Кратком руководстве к риторике...»: «<...> во время обыкновенного слова, где не изображаются никакие страсти, стоят искусные риторы прямо и почти никаких движений не употребляют, а когда что сильными доводами доказывают и стремительными или нежными фигурами речь свою предлагают, тогда изображают оную купно руками, очами, головою и плечьями. Протяженною ж рукою указуют; усугубленным оная тихим движением кверху и книзу показывают важность вещи; раскинув оные на обе стороны, сомневаются или отрицают; в грудь ударяют в печальной речи; кивая перстом, грозят и укоряют...» [Ломоносов 1952: 78-79]. Подобный ораторский жест появляется в строках «Оды на восшествие Елизаветы Петровны...1746 года»:

И се уже рукой багряной
Врата отверзла в мир заря,
От ризы сыплет свет румяной
В поля, в леса, во град, в моря...

[Ломоносов 1965: 110]

Выраженный в данном случае ораторский жест становится одним из смыслообразующих элементов текста, важной составляющей его семантического пространства. Вместе с тем представленная здесь *парадоксальная* образность Ломоносова была революционной и для XVIII, и для XIX веков. Примечательно, исключительно рационалистическое размышление П.А.Вяземского об этом образе: «Ломоносов сказал: «Заря багряною рукою!» Это хорошо; только напоминает прачку, которая в декабре месяце моет белье в реке» (цит. по: [Гинзбург 1997: 33]).

Критике подвергались и другие авторские метафоры М.В.Ломоносова. Например:

Там кони бурными ногами
Взвивают к небу прах густой,
Там смерть меж готфскими полками
Бежит, ярясь, из строя в строй...

[Ломоносов 1965: 92]

Реакцией на этот знаменитый образ из «Оды на прибытие Ее Величества ... 1742 года по коронации» стала пародия А.П.Сумарокова в третьей

«вздорной оде», доказывающая, казалось бы, неуместность такой метафоры, но лишь с точки зрения поэта-классициста. Между тем Ломоносов в полной мере унаследовал и эмоциональность и «избыточность» барокко. Данное обстоятельство еще более явно сближает «красноречивейшего из смертных» [Муравьев 1962: 38], поэта XVIII столетия, с «неистовым романтиком» В.Г.Бенедиктовым.

Так, по наблюдению И.З.Сермана, употребление в стихотворениях В.Г.Бенедиктова эпитета *бурный* может быть рассмотрено как свидетельство ломоносовского влияния, хотя и с явным романтическим колоритом («...Как сын небес, пройду пятою / По вашим бурным головам») [Серман 1966: 253]. Сравним:

В плену у французов — светило Алжира —
Эмир знаменитый. Содержат эмира
Они в Амбуазе, где замка стена
Крепка и надежна, — и пленник, доньне
Летавший на бурном коне по пустыне,
Уныло глядит в амбразуру окна.

(«Письмо Абдель-Кадера»)
[Бенедиктов 1983: 362]

Еще одной «точкой соприкосновения» поэтических стилей Ломоносова и Бенедиктова является обращение к «зримой динамизированной метафоре» [Минералов 2007: 66] наподобие «Брега Невы руками плещут, / Брега Ботнийских вод трепещут» [Ломоносов 1965: 88] (ср. «О, как быстра твоих очей / Огнем налитая влага! / В них всё — и тысячи смертей, / И море жизненного блага....» [Бенедиктов 1983: 248]). В дополнение к этому, И.З.Серман отмечал свойственную некоторым произведениям Бенедиктова «однолинейность» развертывания темы в духе Ломоносова. «Иногда Бенедиктов, — утверждал исследователь, — строит целое стихотворение на одной словесной теме, «по-ломоносовски», но при этом «обостряя» ее катахрезой, от которой, как правило, Ломоносов воздерживался. Таково знаменитое стихотворение «Черные очи»:

Я пирую — в черном цвете,
И во сне и наяву

Я витаю в черном свете,
Черным пламенем живу...

.....

Вот и ночь. Средь этой ночи,
Черноты ее черней,
Блещут черные те очи
Черным пламенем страстей...

[Серман 1966: 252]

При этом необходимо отметить, что отношение современников и потомков к «высокопарности и изысканности» Ломоносова, равно как и к его «терминологичности» качественно отличалось от оценки подобных проявлений в творчестве Бенедиктова. В этом контексте показательны некоторые идеи, высказанные К.С.Аксаковым в статье «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» в сравнении с отдельным суждением его брата И.С.Аксакова. Видя в Ломоносове «исторический момент <...>, значение индивидуума в литературе», К.С.Аксаков отмечал у него «чудные рифмы, в которых является звучность языка... замечательные, отдельные выражения, прекрасные эпитеты», хотя и не обладающие должной целостностью: «У Ломоносова, как мы сказали, нет целого художественного произведения, но много прекрасных изящных поэтических мест как относительно языка, который составляет общее его достоинство, так и относительно достоинства просто внутреннего, поэтического...» [Аксаков 1982: 69, 82, 84]. Обвинениям в эклектизме подвергся в свое время и Бенедиктов, причем эта черта стала одной из главных в формировании его литературной репутации. В биографическом очерке «Федор Иванович Тютчев» И.С.Аксаков утверждал, что «кроме Пушкина... только поэзия Тютчева и отчасти Лермонтова обладает этим даром точных эпитетов в высокой степени; у других наших поэтов это замечается лишь местами, довольно редко. Их эпитеты более описательного, чем определительного свойства; или слишком фигурны, вычурны и нарядны, или же являются каким-то внешним щегольством языка, радующим самого автора, а не простой, необходимой, спокойной принадлежностью самого предмета. О тех же стихотворцах, которые ради точности прибегают чуть не к тех-

нической терминологии (напр<имер> Бенедиктов в описании Кавказских гор), мы не считаем здесь нужным и упоминать» [Аксаков 1982: 334].

Таковы вкратце признаки ломоносовского влияния в лирике В.Г.Бенедиктова, выраженные на уровне поэтического инструментария. Не менее интересным представляется тематико-образное сближение. В этой связи отдельного упоминания заслуживают немногочисленные одические опыты Бенедиктова. При этом стоит уточнить, что романтик 1830-х годов обращается не только к традиционному для оды набору тем и мотивов; возвышенные интонации звучат не только в его «придворных произведениях». Как замечает Л. Я. Гинзбург, «романтическая оппозиция карамзинизму усмотрела гарантию национальной самобытности в усвоении докарамзинских литературных форм, гарантию возвышенности – в обращении к одической традиции, к славянской языковой стихии» [Гинзбург 1997: 155].

Своеобразным одическим пафосом проникнуто стихотворение Бенедиктова «Ночь», рисующее образ спящего Петрополя:

Всё смолкло. Тишина в чертогах и во храмах,
Ночь над Петрополем прозрачна и тепла.
С отливом пурпурным, недвижна и светла,
Нева красуется в своих гранитных рамах,
И так торжественно полна её краса,
Что, кажется, небес хрустальных полоса
Отрезана, взята с каймой зари кровавой
И кинута к ногам столицы величавой,
Чтобы, восставшая в час утренний от сна,
Над этим зеркалом оправилась она...

[Бенедиктов 1983: 205].

Выраженные в данном произведении имперские настроения, оказываются близкими идеям Ломоносова в его «петровском» цикле, поднявшем просвещенного монарха «выше звезд».

Еще более примечательным оказывается «ломоносовский» контекст в известном стихотворении Бенедиктова «Наездница»:

Люблю я Матильду, когда амазонкой
Она воцарится над дамским седлом,
И дергает повод упрямой ручонкой,
И действует буйно визгливым хлыстом.

Гордяся усестом красивым и плотным,
Из резвых очей рассыпая огонь,
Она — властелинка над статным животным,
И деве покорен неистовый конь...

[Бенедиктов 1983: 85]

Резко осужденное В.Г.Белинским, это стихотворение неожиданно перекликается с ломоносовской «Одой, в которой Ее Величеству благодарение... августа 27 дня 1750 года»:

... Коль часто долы оживляет
Ловящих шум меж наших гор,
Когда богиня понуждает
Зверей чрез трубный глас из нор!
Ей ветры вслед не успевают;
Коню бежать не воспящают
Ни рвы, ни частых ветвей связь...

[Ломоносов 1965: 138].

Впрочем, «тайное сродство» Бенедиктова с Ломоносовым встречается не только в одических произведениях. Так, тема стихотворения Ломоносова «Женился Стил, старик без мочи» переосмыслена и развита Бенедиктовым в стихотворении «Добрый совет»:

Что тут думать? Покоряйся, Лиза, участи своей!
Время дорого — решайся
Выйти замуж поскорей!
Благо, есть жених маститый,
Старым смотрит он хрычом,
Он подагрик знаменитый
И разбит параличом...

И за скорбной колесницей
Ты пойдешь — хвала творцу! —
Интересною вдовицей —
Траур так тебе к лицу!

[Бенедиктов 1983: 480-481].

В итоге, пародия Ломоносова на сумароковского «Гамлета», сатирическая миниатюра-притча, направленная на «осмеяние суетности людских суждений, лжи и бездуховности» [Пашкуров, Разживин 2010: 204], расширяет культурные и исторические границы бенедиктовского стихотворения «на случай».

Таким образом, творческий «диалог» лирики В.Г.Бенедиктова с поэтическим стилем М.В.Ломоносова представляется полноценным и вполне обоснованным явлением, органично вписанным в отечественную культурную традицию и перспективным для филологического исследования.

Литература

- Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1982.
Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2 т. Т. 1. М., 1994. С.231–285.
Бенедиктов В.Г. Стихотворения. Л., 1983.
Васильев С.А. Силевые традиции Г.Р.Державина в русской литературе XIX—начала XX веков. М., 2007.
Гинзбург Л.Я. О лирике. М., 1997.
Ломоносов М.В. Избранные произведения. М.-Л., 1965.
Ломоносов и русская литература. М., 1987.
Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.-Л., 1952. Т. 7.
Минералов Ю.И. История русской литературы XVIII века. М., 2007.
Муравьев М.Н. Похвальное слово Михайле Васильевичу Ломоносову, писал лейб-гвардии Измайловского полку каптенармус Михайло Муравьев // М.В.Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. М.-Л., 1962. С.35-40.
Пашкуров А.Н., Разживин А.И. История русской литературы XVIII века: В 2 ч. Елабуга, 2010. Ч. 1.
Полонский Я.П. Биография В.Г.Бенедиктова, составленная Я.П.Полонским // Бенедиктов В.Г. Сочинения... / Под ред. Я.Полонского: В 2 т. Т. 1. СПб.-М., 1902.
Серман И.З. Поэтический стиль Ломоносова. М.-Л., 1966.
Тынянов Ю.Н. История литературы. Критика. СПб., 2001.

Сатирические произведения русских и татарских поэтов-просветителей

А.Ф.Галимуллина (Казань, ТГГПУ)